

Гюндуз Сариев (1940-2006), в возрасте примерно 40 лет.

Гюндуз Сариев, теоретик космической свободы

1. О книге

Вот, скажем, пришла мне в голову мысль: «Пора написать предисловие к книге замечательного мыслителя, Гюндуза Сариева.» Почему я именно это подумал? Почему не другими словами? Какие законы природы заставили меня подумать именно это и именно этими словами? Многие назовут такие вопросы наивными или даже «бессмысленными», но скорее всего только потому, что наивно задавать глубокие философские вопросы по столь бытовым поводам, и потому, что бессмысленно ожидать, что на такой вопрос можно найти ответ, слишком уж сложны обстоятельства наших бытовых действий. Но большинство научно образованных читателей при этом не усомнятся, что какие-то законы природы должны существовать, которые заставляют меня думать то, что я думаю. А если среди читателей найдутся сторонники «свободы воли» и особых свойств «души», то и они скорее всего сочтут, что законы природы по крайней мере определяют события происходящие с предметами менее одушевленными чем писатель этих строк -- низшими животными, например, или брошенными в воздух карандашами. Знакомые с квантовой физикой могут заметить, что индивидуальное поведение мельчайших частиц мироздания никакими законами не определяется, а законами определяются лишь вероятности вариантов их поведения. Но и среди этих образованных читателей скорее всего найдутся такие, кто все-таки будет удивляться тому, что нельзя спрашивать что побудило этот конкретный фотон пролететь в левую, а не в правую щель. И почему детерминизм среди мельчайших частиц вероятностный, среди летящих карандашей «настоящий», лапласовский, а среди пишущих людей вообще непонятно какой?

Если очень коротко, концепция Сариева состоит в том, что события в мире происходят «сами по себе», и лишь в силу того, что на них не наложен запрет. Законы природы не заставляют происходить то, что происходит, а лишь запрещают происходить то, что не происходит. Мир, по Сариеву, «спонтанно и имманентно событиен»: если бы некий администратор вселенной убрал вдруг из нее все запреты, то в мире происходили бы все мыслимые (и, по-видимому, немислимые) события. Если я подумал «Пора написать предисловие к книге Сариева», то, по Сариеву, бессмысленно спрашивать почему я это подумал, какие законы «вынудили меня» так подумать. Бессмысленно не по той причине, что ответ найти трудно или невозможно, а потому, что ответ на такой вопрос всегда один и тот же: «А почему бы нет?» Если предположить, что запреты налагаемые на мое поведение всей совокупностью законов природы (в которые включаются и законы психологические, и логические) оставляют мне какие-то возможные варианты поведения, то эти варианты, по Сариеву, не только могут, но и должны реализоваться. Все, что возможно, все, что не запрещено, происходит. Но с одной очевидной оговоркой: если в данной ситуации возможны (не запрещены) несколько взаимоисключающих

вариантов поведения, то реализуется только один из них, потому что на их одновременную реализацию наложен запрет, выражаемый самым понятием взаимоисключаемости. Так, если одновременно с мыслью «Пора написать предисловие к книге Сариева» мне законами природы разрешена также мысль «Пора постричь траву перед домом» (а все остальные мысли, аргумента ради, мне запрещены), то мне в голову придут обе позволенные мысли; но если существует закон запрещающий одновременное возникновение двух мыслей в одной голове, то мне в голову придет только одна из них. Какая именно, предсказать невозможно, и если кто-то спросит «А почему вы подумали именно эту мысль, а не ту?» то ответом является все то же «А почему бы нет?».

Отличие запрещающего принципа от принципа принуждающего не в том, что первый имеет отрицательную форму. Если постараться, любое утверждение можно сформулировать в отрицательной форме. Так, например, второй закон динамики можно записать и так: если к телу приложена сила, то ему запрещено не ускоряться в направлении действия силы пропорционально ее величине и обратно пропорционально своей массе. Если бы дело было в грамматической форме, понятие запрета было бы пустым, таким же как, скажем, философское понятие мира как «моего воображения» или спенсерово понятие «наибольшей приспособленности» в биологии. Различие между запретом и принуждением, однако, реально, и его легко понять если подумать о том, что произошло бы если бы это принуждение или запрет перестали действовать. Если бы второй закон динамики перестал действовать как принудительный принцип, то тело, к которому мы приложили силу перестало бы ускоряться как ему положено Ньютоном. Но оно при этом стало бы себя вести одним определенным образом: каким именно, зависит от того какой альтернативный принудительный закон пришел бы на смену ньютонову. А если нет никаких альтернативных законов, тело перестало бы реагировать на силу вообще. Ибо, по «великому принципу достаточного основания» Лейбница, у тела не было бы тогда основания на силу реагировать. Иначе обстоит дело если бы перестал действовать запрещающий принцип сформулированный выше, т.е. если телу более не запрещали бы не ускоряться в направлении действия силы пропорционально ее величине и обратно пропорционально своей массе. Согласно Сариеву, тело тогда должно было бы вести себя в ответ на приложенную силу любым мыслимым образом (в том числе, и по закону Ньютона), варианты и комбинации возможных линий поведения будучи ограничены только другими, не отмененными, запрещающими принципами.

Великому лейбницеvu принципу достаточного основания (если что-то произошло, то для этого должно быть основание) Сариев противопоставляет свой принцип ограничения: если что-то мыслимое *не* произошло, то для этого должно быть основание. Вселенная Сариева, таким образом, подобна эволюционирующему биологическому виду. Дарвин не объясняет почему возникает та или иная мутация: они попросту разрешены законами биологии,

и в силу разрешенности своей возникают в обилии. Каждая из этих мутаций это возможный новый вид, но какая из этих возможностей реализуется не детерминировано никакими законами вообще. Спенсерово «выживают наиболее приспособленные» очень плохая попытка резюмировать дарвинизм. Закон естественного отбора действует лишь как запрещающий принцип, ограничивая реализуемость большинства из потенциальных видов содержащихся в мутациях. Но даже в биологии и даже 150 лет после «Происхождения видов» к такому подходу трудно привыкнуть. Даже профессиональные биологи порой сетуют на то, что «адаптивную функцию» того или иного явления не удастся выяснить. Почему кузнечики при данной температуре воздуха стрекочут именно на этой частоте, а не на какой-нибудь иной? Почему селедка плывет косяками, когда это только облегчает кашалотам находить и есть их? Я, разумеется, ответов не знаю, но совершенно ясно, что по Дарвину, ответов может вовсе и не быть. Селедка плывет косяками потому, что этот «организационный недостаток» недостаточно плохой, чтобы селедка не успела оставить потомство прежде чем ее съедят. То есть, говоря языком Сариева, законы выживания не налагают на существование селедки запрета. А если все-таки окажется, что вне косяков селедка бы не выжила, то это только будет означать, что запрет наложен на существование разрозненно движущихся рыб определенных особенностей и мест обитания.

Привыкнуть к такому подходу вне биологии, «ко всему на свете», еще труднее. Но привыкнув к нему, ощущаешь удивительное чувство свободы. Это напоминает то, что физики часто говорят о квантовой механике: к ней только надо привыкнуть, а потом все в микромире объясняется чудеснейшим образом. Не случайно, конечно, что квантовая физика является основной мотивирующей силой для книги Сариева и основным подтверждением применимости его идей. Законы физики не запрещают фотону пройти через наблюдаемую щель; и не запрещают ему не пройти через нее; но они (или, если угодно, законы логики) запрещают ему одновременно и пройти и не пройти через нее. Вот фотон и прошел через щель, и бессмысленно спрашивать что' его к этому принудило. Или, вот он и не прошел, и бессмысленно спрашивать что' его к этому принудило. Великий хаос микромира, столь красочно описанный в книге Сариева, сдерживается лишь несколькими законами сохранения. Хотя этого «лишь» достаточно, чтобы отсесть почти все мыслимые формы хаоса, так что мир наш оказывается всего лишь точкой в пространстве возможных миров, законы сохранения все же оставляют и в нашем мире громадные области ничем не ограниченного поведения. Настолько неограниченного, что квантовые физики, говорит Сариев, ищут объяснения (в новых законах сохранения) именно тогда, когда они *не* наблюдают что-либо *не* запрещаемое существующими законами.

По мере укрупнения физических систем (скажем, на уровне подброшенных карандашей), запрещающее действие совокупности применимых законов становится все более жестким, оставляя этим системам лишь определенные,

«вынужденные» линии поведения (по крайней мере на определенном уровне точности измерений). Хотя с этим трудно не согласится если речь идет о классической физике, мне представляется достойным сожаления, что Сариев не упомянул хаотически ведущих себя макроскопических систем и лишь вскользь упомянул системы биологические. Сариев, по-видимому, не хотел затрагивать «спорных» сфер применения своей концепции. Но мне представляется, что сложные динамические системы критически чувствительные к начальным условиям (предмет математической теории хаоса) могли бы составить еще одну область иллюстрирующую его концепцию, а возможно даже помочь этой области осмыслить флуктуации начальных условий для хаотических процессов. Но с особой пользой концепция Сариева представляется мне применимой к законам поведения и развития живых существ. Свобода воли неожиданно не только демистифицируется, но оказывается всего лишь проявлением универсальной космической свободы. Я позволю себе длинную цитату из книги Сариева, в которой он объясняет свою концепцию на примере буриданова осла.

Буриданов осел придерживался классического взгляда на мир. Будучи в своем мировоззрении последовательным, он неподвижно стоял между двумя охапками сена, не отклоняясь ни в одну, ни в другую сторону. Осел твердо усвоил, что без достаточного на то основания он не может выбрать, к какой именно из двух охапок ему направиться (а в любую другую сторону голодному ослу, по-видимому, и не хотелось идти); опустив голову, он терпеливо ждал, когда, наконец, появится спасительное основание съесть хоть одну охапку сена.

Предположим теперь, что за время вынужденного бездействия осел предавался размышлениям о достоинствах и недостатках исповедуемого им принципа достаточного основания и по прошествии шести веков неожиданно пришел к идее принципа ограничения (независимо от автора этой книги). И сразу же ситуация перестала быть столь безнадежной. В последний раз в сердцах помянув все необходимые и достаточные основания, осел без колебания направляется к правой охапке сена и съедает ее.

Но почему именно к правой? Принцип достаточного основания настолько прочно укоренился в нашем сознании, что сразу же возникает этот, на первый взгляд вполне естественный, вопрос. Зададим, впрочем, его самому ослу, и если он подобно валаамовой ослице вдруг заговорит (что было бы не удивительно для столь смышленного осла), то на наш вопрос может последовать следующий также вполне естественный ответ: «Я направился к правой охапке потому, что ничто не запрещало мне идти к этой охапке».

Конечно же, у Сариева это всего лишь метафора для объяснения его общей позиции, а вовсе не пример приложения ее к биологическому поведению и свободе воли. Осел здесь выступает не как мыслящее млекопитающее, а как персонификация абстрактного носителя событий. Осел этот может пониматься как аллегория и для электрона, и для подброшенного в воздух карандаша. Но тогда, по той же логике --- и как аллегория для биологического осла, и для человека в ситуации выбора. Законы природы, если забыть об

административной компартиментализации наук, едины, и все они, по Сариеву, имеют запрещающий характер. Возможно, что не только в микромире квантовой физики, но и на уровне биологического и социального поведения совокупность всех приложимых запретов оставляет солидные области возможных линий поведения.

Возьмите исторические события: какие причины, какие законы сделали неизбежными то, что Сталин выиграл борьбу с Троцким, или что христианская Европа сначала отставала, а потом обогнала мусульманские страны в технологическом и научном развитии? Исторические книги полны «объяснений» для этих и подобных феноменов, но на то они и исторические, что объясняют их задним числом. Разница между историей и альтернативной историей очень часто сводится к тому как кто кого сумел перехитрить, зачастую нерационально и без всякого учета тех обстоятельств, которыми позже историки будут «объяснять» последствия этих решений и хитростей. Победы Троцкий Сталина (в силу того, что пол-дюжины политиков поддержали бы в нужный момент первого и осудили второго), и историки точно так же доказывали бы по каким причинам и законам эта победа была неизбежной. Анализ любого из таких объяснений покажет, что в лучшем случае заключаются они попросту в нахождении условий и обстоятельств, которые сделали объясняемый феномен возможным. По Сариеву, дело состоит именно в том, что одно из множества возможных исторических событий, в силу одной лишь его возможности, должно произойти, но какое именно предсказать невозможно (если угодно, на предсказания тоже наложен запрет).

Такой же анализ напрашивается в отношении поведения фондовой биржи и других экономических процессов. Каждый день по телевизору можно послушать специалистов объясняющих почему с биржей вчера случилось то, что случилось, и почему ничего другого нельзя было ожидать. Применимость тех же объяснительных принципов теми же специалистами, однако, резко падает на уровень подброшенной монеты когда дело доходит до того, чтобы предсказать что с той же биржей должно произойти в ближайшие дни. Конечно, вполне возможно, что какие-то объяснительные принципы (по Сариеву, запреты) пока еще неизвестны экономике и будут открыты в будущем. Но не исключено, что все существующие экономические, социальные и психологические законы в принципе не ограничивают поведение фондовой биржи до одной возможной линии.

Людям свойственно «объяснять» все, что выглядит «неслучайным», но хорошо известно, что интуиция «неслучайности» у людей никуда не годится. Так, любителям объяснять почему А (скажем, экономика одной страны) сохраняет преимущество над Б (экономикой другой страны) в течении длительного периода («Не может же такое произойти случайно, иначе бы они чередовались все время, то А наверху, то Б!») полезно вникнуть в следующий пример из теории вероятности. Подбрасывайте монету, скажем миллион раз,

и после каждого раза записывайте «+» если количество орлов к этому разу превосходит количество решек; в противном случае записывайте «-». Какова вероятность того, что количество плюсов и минусов будет примерно одно и то же, скажем различие между ними будет не более 1000? Оказывается, вероятность эта менее одного процента. А какова вероятность, что один из знаков, плюс или минус, будет записан более 900,000 раз, т.е. более чем в 9 раз чаще другого? Оказывается, эта вероятность превосходит 40 процентов. Чтобы проверить эти вычисления, скептический читатель может почитать где-нибудь о законе арксинуса для случайных блужданий.

Завершая этот краткий комментарий, есть многое в книге, что я не очень понимаю, что следовало бы развить и прояснить. Впрочем, это я могу сказать по поводу буквально каждой философской книги, которую мне довелось читать или (что случается гораздо чаще) просматривать. Много лет назад, когда Сариев рассказывал мне начальные варианты своей концепции, я только на эти неясности и указывал, о чем сейчас несказанно жалею. Я не считал нужным показать, что многое в его позиции было для меня ново и заманчиво, предпочитая этому «пробовать ее на прочность», фокусируясь на деталях. Так, я говорил ему, что концепция оперирующая возможностями и невозможностями должна также включать понятие вероятности, как количественной меры возможности. Если не запрещены две несовместимые линии поведения, то произойдет или та или другая --- но ведь обычно не с равной вероятностью. У Сариева действительно нет развития понятия количественной вероятности. Но, как он отвечал мне, связь возможности и вероятности не означает, что нельзя сказать что-либо ценное о первой не разработав понятия второй. К вероятности можно подойти по-разному. Если вероятность события есть нечто что происходит вместе с этим событием, тогда вероятность это не более чем особое событие, и тогда происходит это событие тоже по «закону Сариева», в силу того, что на эту вероятность нет запрета. Но возможна и позиция, согласно которой вероятности не применимы к индивидуальным событиям, таким как октябрьский переворот в России, пришедшая в голову мысль, или движение одного, конкретного фотона. Более того, говорил мне Сариев, там где речь идет о детерминизме, о предсказуемости, любые два возможных события «равновозможны» даже если они не равновероятны: оба они непредсказуемы и ни одно из них нельзя исключить. И в самом деле, как влияет на объяснение события, которое мы только что наблюдали, тот факт, что его вероятность была ничтожно мала?

2. О человеке

Гюндуз Сариев прожил почти всю свою жизнь в одной и той же бакинской квартире. Он не любил путешествовать, потому что ненавидел все, что связано с устройством дел и практическими хлопотами. Это была не лень, а органическая неприязнь к суете. В 70х годах его коллеги по институту

философии фактически заставили его защитить кандидатскую диссертацию, бегали и хлопотали за него. Иначе бы он не защитился.

Он очень любил своего отца, которого он потерял подростком. Он почти никогда не говорил о нем, но его предсмертные записки в дневнике свидетельствуют о трагической тоске. Он очень любил свою жену Инну, у меня ощущение, что и смерть его во многом была вызвана ее потерей несколькими годами раньше. Дочь Лалу, которой он посвятил свою книгу, и внуку Алию он боготворил. У него было двое-трое старинных друзей, с которыми он, впрочем, иногда не встречался годами.

Он начинал как классический гуманитарий: окончил филологический факультет, писал рассказы. Мне эти рассказы всегда очень нравились. Печататься он, конечно, не мог: независимо от степени его литературного таланта, о котором не мне судить, он был слишком неконформным, «неподходящим» для печати. Он преподавал в дюжине мест, в школах и институтах, но нигде не задерживался, пока не осел до конца дней своих в академическом институте философии. Задолго до этого, однако, его круг интересов и характер мышления совершенно переменились: он увлекся психологией, формальной логикой и философией естественных наук. Он очень много сумел усвоить самообучением. Интеллектуального круга он, за исключением коротких периодов жизни, не имел. Его духовная жизнь по большей части протекала наедине с книгами.

Кандидатскую диссертацию, упомянутую выше, он защитил по социальной психологии, но ценности в ней не видел никакой, смотрел на нее как на вынужденную уступку обществу, средство для выживания. Даже в этой конъюнктурной работе советская аттестационная комиссия (ВАК) усмотрела что-то подозрительное, и его изрядно помучили перед тем утвердить ее. «Знать бы заранее, что не пропустят, так хоть написал бы что-нибудь приличное», --- говорил он. Впрочем, он никогда не жаловался на жизненные трудности, никогда не хотел и не потерпел бы ни от кого жалости. Фактически он ничего не хотел от жизни кроме книг, полуночных бесед на абстрактные темы, и разумной степени устроенности его близких. Человеку постыдно, считал он, тратить свое ценное время на достижение большего. На что он находил возможным и даже необходимым тратить свое время это на общение с детьми, на их образование. Детей в некогда обширной семье его родственников было много, и некоторые из них безумно любили его и слушались беспрекословно. Он разговаривал с ними часами и даже иногда брал их с собой на встречи со взрослыми друзьями, чтобы послушали и поучились. Дети его никогда не стеснялись, он говорил с ними на самые сложные темы, часто критикуя и высмеивая, к их изумлению, «непреложные истины» (но всегда оставаясь в рамках целомудрия, так как он был сурово консервативен во всем, что касалось сексуальной морали и правил).

Он умер в 2006 году в возрасте 66 лет. Умер в своей квартире, сидя за письменным столом, по причине не вполне понятой.

Но настоящей загадкой для меня было и остается другое. Примерно за 15 лет до смерти его взгляды и интересы вновь радикально изменились. Он погрузился в глубокую теологию, уверовал сам и начал читать теологические и религиозно-этические лекции для всех желающих. Ученики любили его так же как когда-то любили дети, которых он обучал основам критического мышления. Видеть его верующим мне было очень странно, никак не совмещалось это с образом человека всегда все подвергавшем сомнению и всегда готовым спорить. К тому времени у меня уже сформировалось мое теперешнее резко отрицательное отношение к вере, не распространяющееся, впрочем, на теологию как интеллектуальную игру. В силу этого я долго, почти до самой его смерти подозревал, что для Сариева вера была лишь игрой, чем-то вроде эксперимента поставленного над собой. По-видимому, я ошибался. Люди мало его знающие могли бы предположить, что здесь сыграли роль жизненные трудности и глубокие горести. Но я убежден, что это не так. И трудностей и горестей было с избытком: война с ее неизбежной волной тупого патриотизма, падение ненавистного коммунистического устройства вылившееся во что-то столь же ненавистное, интеллектуальный вакуум и злобные недоброжелатели в близком окружении. Но его обращение к религии все-таки имело более глубокие корни. Возможно они были связаны с его неспособностью найти оправдание своим весьма жестким этическим принципам в насмешливой рациональности своих прежних взглядов. А скорее всего, мне просто следует принять на вооружения сариевский принцип ограничения и вообще не пытаться искать объяснения тому почему Гюндуз Сариев стал верующим теологом. В самом деле, почему бы нет? О чем бы он не размышлял, запрет законами природы был, похоже, наложен лишь на одно: отсутствие в этих размышлениях особого, сариевского благородства.

Ehtibar Dzhafarov
Lafayette, Indiana, USA
Декабрь 2011